8 П
К-43

ПУШКИНЪ,

КАКЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ ПОЭТЪ.

А. Кирпичникова.

(Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго университета 1 Февраля 1887 года).

ОДЕССА.
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3.
1887.

ПУШКИНЪ,

КАКЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ ПОЭТЪ.

А. Кирпичникова.

(Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Императорскаго Новороссійскаго университета 1 Февраля 1887 года).

ОДЕССА.
Типографія «Одесскаго Вѣстника», Красный переулокъ, домъ № 3.
1887.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ.

А. Кирпичникова.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

29-го Января 1887 года.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день весь читающій и думающій Петербургъ былъ глубоко взволнованъ. Уже два дня ходили очень опредѣленные слухи о томъ, что Пушкинъ тяжело раненъ на дуэли съ какимъ-то офицеромъ. Кто зналъ въ лицо выдающихся литераторовъ, напримѣръ, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Даля, тотъ могъ удостовѣрить, что они, очевидно чѣмъ-то озабоченные, опечаленные, разъѣзжали по городу, часто въ сопровожденіи докторовъ. Кто зналъ квартиру Пушкина, спѣшилъ къ его дверямъ, чтобы освѣдомиться о справедливости слуховъ. Передъ этой квартирой съ ранняго утра стояла цѣлая толпа, тихо и сдержанно наблюдавшая за входившими и выходившими. Слухи оказались справедливы: Пушкинъ былъ раненъ пулею въ животъ на дуэли съ иностранцемъ неопредѣленной національности, но состоящимъ въ русской службѣ. Въ этотъ день Пушкину было замѣтно хуже, и знаменитый докторъ Арендтъ еще утромъ объявилъ, что ему остается жить не болѣе двухъ часовъ. Толпа передъ подъѣздомъ была такъ велика, что съ трудомъ можно было черезъ нее протискаться, и секундантъ Пушкина—Данзасъ принужденъ былъ просить поставить часовыхъ. Около 3-хъ часовъ дня по этой массѣ людей пробѣжала точно электрическая искра: *Пушкина не стало;* многіе, въ особенности женщины, печально крестились; иные крѣпкіе и сильные мущины не могли удержать слезъ своихъ...

Толпа разошлась; остались только немногіе любопытные, наблюдавшіе за тѣмъ, какъ разъѣзжались утомленные двумя безсонными ночами друзья поэта, и какъ на мѣсто нихъ ныряли въ квартиру юркіе гробовщики.

Вечеромъ печальная вѣсть разнеслась по всему городу; о Пушкинѣ говорили и во дворцѣ, и въ аристократическихъ салонахъ Англійской набережной, и въ грязныхъ конторахъ петербургскихъ кварталовъ и съѣзжихъ домовъ. Носились слухи, будто молодежь и петербургскіе «либералы» готовятся во время похоронъ произвести политическую манифестацію, и многіе правительственныя лица вѣрили этому: вмѣсто Исакіевской церкви, ближайшей къ квартирѣ Пушкина, велѣли отпѣвать его въ Конюшенной; тѣло было перенесено въ нее ночью, а въ день отпѣванья по улицамъ были разставлены пикеты. Въ церковь пускали только по билетамъ. Такимъ образомъ безпорядки (о которыхъ впрочемъ никто и не думалъ) были предотвращены бдительностью полиціи.

Какого это политическаго дѣятеля хоронили съ такими предосторожностями? Чья это смерть произвела на Петербургъ, а потомъ и на всю Россію такое потрясающее дѣйствіе? Какого благодѣтеля человѣчества такъ оплакивали?

Политическаго значенія Пушкинъ не имѣлъ ровно никакого, даже и въ ранней молодости, когда готовилось движеніе декабристовъ. Какъ человѣка—его любили только немногіе друзья его и скромные начинающіе поэты, которыхъ онъ пріятно поражалъ своею привѣтливостью и добротою. Его цѣнили, его оплакивали только какъ художника. Какъ величайшаго художника чтитъ его и теперь вся Россія; какъ о человѣкѣ о немъ и теперь многіе невысокаго мнѣнія; еще большее число русскихъ образованныхъ людей, знающихъ наизусть десятки страницъ изъ Пушкина, объ авторѣ ихъ имѣютъ смутное и сбивчивое понятіе, и въ этомъ не они виноваты.

Въ то время, какъ въ Англіи, напримѣръ, біографіи Вальтеръ-Скотта считаются чуть не сотнями, въ то время, какъ въ Германіи существуетъ нѣсколько спеціальныхъ органовъ, посвященныхъ собиранію новыхъ данныхъ и обсужденію старыхъ для біографіи и толкованія Гете, у насъ до сихъ поръ, строго говоря, нѣтъ ни одной біографіи Пушкина, а есть только два-три неудачныхъ *опыта* ея.

Лучшей книгой до сихъ поръ остается первый томъ изданія Анненкова, который самъ назвалъ свой почтенный трудъ не біографіей, а Матеріалами для біографіи. Будемъ надѣяться, что теперь, когда письма Пушкина, которыя старательно собирались въ продолженіи цѣлаго полустолѣтія, сдѣлаются всѣмъ доступными, благодаря множеству изданій, съ нынѣшняго дня поступающихъ въ продажу, количество *опытовъ* быстро увеличится, и иные изъ нихъ окажутся удачными.

Въ началѣ 60-хъ годовъ мы выносили изъ школы восторженное благоговѣніе къ Пушкину—поэту и естественно переносили его на Пушкина—человѣка. Какъ сейчасъ помню, какое тяжелое, удручающее впечатлѣніе произвело на насъ студентовъ 1-го курса вскользь брошенное въ разговорѣ замѣчаніе одного изъ уважаемыхъ нами профессоровъ, что Пушкинъ, какъ человѣкъ, не представляетъ ничего отраднаго. «Хорошъ защитникъ правды и добра (говорилъ этотъ профессоръ), который подставляетъ свой лобъ подъ пулю перваго проходимца изъ-за страха, «что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна».

Я помню: мы пересказали эти слова нашему бывшему учителю словесности, одному изъ безвѣстныхъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, который, впрочемъ, относительно «красивыхъ словъ» и многорѣчія былъ полной противоположностью Тургеневскаго Рудина. Онъ улыбнулся и отвѣтилъ намъ эпиграммой Пушкина:

«Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный,
Эмилій—человѣкъ *пустой*».
Да ты чѣмъ *полонъ*, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой
Ты полонъ дряни, милый мой!

Но остроумная эпиграмма не уничтожила вліянія словъ профессора, которыя подготовили насъ къ знаменитой статьѣ Писарева.

Мнѣ пришлось убѣдиться именно въ послѣднее время, что за эти 25 лѣтъ дѣло почти не измѣнилось: впечатлительная молодежь по прежнему переноситъ свой культъ съ поэзіи Пушкина на его личность, а такъ называемые anständige Leute, люди съ *положеніемъ*, по прежнему, рѣзко отдѣляютъ въ немъ художника отъ человѣка и удивляются восторженной наивности молодежи.

Человѣкъ не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ,

но если великій набюдатель и психологъ самъ предлагаетъ свою характеристику, для насъ она, конечно, должна быть важнѣе всѣхъ *домысловъ* призванныхъ и непризванныхъ цѣнителей его личности.

Напомнимъ, какъ изображаетъ самъ себя Пушкинъ съ своей *домашней*, такъ сказать, халатной стороны въ такъ называемомъ «Отрывкѣ», въ первомъ наброскѣ Египетскихъ Ночей.

«Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько-же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти все наше старинное дворянство, онъ, подымая насъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ пашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, стряхиваютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочь, князь Антипъ! сколько твое княжое здоровье сегодня напахало?»—«Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ». Кромѣ этой маленькой слабости, которую, впрочемъ, относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворенія, пріятель мой былъ человѣкъ *круглый*, un homme tout rond, какъ говорятъ французы, homo quadratus, человѣкъ четырехъ-угольный по выраженію латинскому,—по нашему: очень хорошій человѣкъ.

Онъ не любилъ общества своей братьи—литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много притязаній, у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылкость воображенія, у третьихъ—на чувствительность, у четверыхъ—на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронію и пр. Иные казались ему скучными по своей глупости; другіе—несносными по своему тону; третьи—гадкими по своей подлости; четвертые—опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочиталъ общество женщинъ и свѣтскихъ людей, которые, видя его ежедневно, переставали съ нимъ чиниться и избавляли его отъ разговоровъ о литературѣ и отъ извѣстнаго вопроса: «не написали-ли вы чего нибудь новенькаго»?

Одно изъ самыхъ сильныхъ обвиненій противъ Пушкина основано на обстоятельной, но крайне неблагопріятной аттестаціи, которую далъ о немъ директоръ лицея Энгельгардтъ.

Судя по всѣмъ даннымъ, Энгельгардтъ былъ хорошій педагогъ и очень добрый человѣкъ, лично ничего не имѣвшій противъ своего бывшаго воспитанника; извѣстно, что позднѣе онъ ходатайствовалъ за него передъ Государемъ, и увѣряютъ, что его ходатайство спасло Пушкина отъ монастыря или крѣпости. Какъ-же не вѣрить ему?

Педагогія есть высочайшее служеніе благу человѣчества, и честное исполненіе этой миссіи требуетъ отъ человѣка выдающихся нравственныхъ достоинствъ; но, какъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, и здѣсь добро не обходится безъ частички зла. Наклонность къ педагогической дѣятельности и усердное отправленіе обязанностей воспитателя обусловливаетъ одинъ недостатокъ, отъ котораго вполнѣ свободны бываютъ только педагогическіе геніи. Человѣкъ, постоянно направляющій юныя души къ тому, что онъ считаетъ благомъ и истиной, естественно пріобрѣтаетъ такую увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ и вообще въ себѣ, что на всякое противорѣчіе смотритъ какъ на проявленіе злой воли, какъ на нравственную порчу, подобно тому какъ медикъ, видя въ больномъ припадки, не обусловленные методомъ его лѣченія, смотритъ на нихъ, какъ на проявленіе порчи организма. Энгельгардтъ поступилъ въ лицей съ самыми лучшими намѣреніями и своимъ усердіемъ, соединеннымъ съ удивительной гуманностью обращенія, привлекъ къ себѣ души и умы воспитанниковъ, которые скоро начали смотрѣть на него, какъ на оракула во всѣхъ отношеніяхъ. Среди этихъ воспитанниковъ оказывается одинъ съ выдающимися способностями, властвовать (опять таки повторяю, съ самыми прекрасными цѣлями) надъ душой и умомъ котораго гуманному воспитателю особенно хотѣлось. И этотъ то именно воспитанникъ не поддается его вліянію, живетъ своею особою жизнью и рисуетъ каррикатуры на него, воспитателя! Въ человѣческихъ-ли силахъ не почувствовать нѣкоторой антипатіи къ этому воспитаннику? А разъ существуетъ антипатія, честный человѣкъ не выразитъ ее *въ дѣйствіяхъ*, но не скроетъ ея *во мнѣніи*.

Антипатія, несомнѣнно, ослабѣла, когда дальнѣйшая дѣятельность Пушкина показала Энгельгарду, какое *право* имѣлъ

юный поэтъ на духовную самостоятельность, и это дѣлаетъ честь и уму и сердцу педагога.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ будущіе декабристы отклонили Пушкина отъ вступленія въ союзъ и отклонили не отъ сожалѣнія къ опасности, угрожающей поэтическому генію, а отъ недовѣрія къ серьезности и нравственной зрѣлости Пушкина. Можно вѣрить этому разсказу и, признавая дальновидность декабристовъ, не ставить этого въ вину Пушкину. Всякая политическая дѣятельность, связанная съ тайными обществами и заговорами, требуетъ фанатической преданности одной идеѣ, а фанатизмъ—близкій родственникъ ограниченности. Богато одаренная натура должна сжаться, съузиться для вступленія на эту дорогу, а Пушкинъ, въ особенности въ молодости, былъ не способенъ къ такой узости, и благо ему за это! Ни Шекспиръ, ни Гете, ни Шиллеръ не были и не могли быть заговорщиками, хоть и умѣли геніально изображать заговоры; Данте и Байронъ были заговорщиками крайне неудачными.

Третье и самое сильное обвиненіе, обращаемое къ Пушкину не юношѣ, а мужу, касается его роковой дуэли и всего того, что ее вызвало. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ и самъ чувствовалъ ложь своего положенія, и что послѣднія минуты жизни величайшаго изъ русскихъ поэтовъ были отравлены сознаніемъ, что онъ умираетъ изъ-за сплетенъ и пересудовъ презираемаго имъ общества, что его смерть недостойна его жизни и дѣятельности. Но кому неизвѣстно, что мелкіе и частые уколы мучатъ болѣе серьезной раны? что глупыя насмѣшки за спиною могутъ довести до изступленія человѣка, котораго не сломитъ открытая борьба съ цѣлымъ свѣтомъ?

Тѣмъ трагичнѣе его смерть, тѣмъ грустнѣе вспоминать о ней.

Но Пушкинъ ни въ какомъ отношеніи не нуждается въ апологіи: человѣка судятъ по дѣламъ его, а «дѣла поэта—слова его».

За 17 лѣтъ до рожденія Пушкина, поэтъ Державинъ, стихами пробивавшій себѣ дорогу къ славѣ и почестямъ, восхваляетъ Екатерину не за покровительство поэтамъ, а за то, что она «не числитъ» пророкомъ того,

Кто только риѳмы можетъ плесть.

Великая императрица имѣетъ на поэзію совершенно здравый, по мнѣнію пѣвца, взглядъ; поэзія ей

любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Остановимся на минуту на этомъ сравненіи, одномъ изъ удачныхъ сравненій Державина, которому самъ Бѣлинскій, такъ жестоко громившій литературное старовѣрство, не отказывалъ въ истинномъ поэтическомъ талантѣ.

Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ. Въ жаркій лѣтній день что можетъ быть пріятнѣе лимонада, да еще вкусно сдѣланнаго? Но замѣнитъ-ли этотъ лимонадъ кусокъ хлѣба для голоднаго? свѣтъ для того, кто бродитъ въ темнотѣ? Вспомнитъ-ли о лимонадѣ человѣкъ, сильно взволнованный, занятый серьезнымъ дѣломъ? Конечно, нѣтъ. Что-же это? Насмѣшка надъ поэзіей или надъ Екатериной? Ни то, ни другое, а правда, да и такая правда, которую тогда вовсе не считали горькою. Въ это время не только въ русскомъ обществѣ, но и въ массѣ общества европейскаго поэзія считалась забавою празднаго ума, и, за немногими счастливыми исключеніями, она стояла въ уровень съ такимъ пониманіемъ ея. Это была та ходульная, наемная поэзія, которая прославляла побѣды великаго короля Людовика XIV прежде, чѣмъ онѣ были одержаны, поэзія, которая безъ зазрѣнія совѣсти возвеличивала подвиги убійцъ Варѳоломеевской

ночи, или потомъ, перемѣнивъ имена, восхваляла Генриха IV и его министровъ; это была та поэзія, которая въ отеляхъ и отеликахъ наполняла досугъ дамъ и кавалеровъ, изъ нея учившихся слагать любовныя письма.

Это была та поэзія, производство которой возлагалось какъ обязанность за извѣстную приплату при дворахъ—на искуснѣйшихъ въ «словесныхъ наукахъ» профессоровъ, а у богатыхъ дворянъ—на домашнихъ учителей, и тѣ, по выраженію Ломоносова, «дѣлали стихи» на разные торжественные случаи: дни рожденія, бракосочетанія, похоронъ, открытія памятниковъ, празднованія побѣдъ и пр. *Стихи* эти *дѣлались* по правиламъ; тощій сюжетъ украшался всевозможными тропами и фигурами, обширными сравненіями и картинами, взятыми на прокатъ изъ классической миѳологіи, искусственными *восторгами* и холоднымъ, придуманнымъ паѳосомъ.

Такъ «пиндарила», по выраженію Дмитріева, масса поэтовъ; изъ этой массы выдѣлялись, конечно, люди съ сильнымъ умомъ, съ богатой фантазіей, съ тонко развитымъ вкусомъ, съ искреннимъ чувствомъ; но и надъ ними тяготѣла стѣснительная и мертвящая теорія. Вольтеръ, не признававшій никакихъ авторитетовъ въ серьезнѣйшихъ вопросахъ жизни, трепеталъ предъ строгими правилами александрійскаго стиха. Въ устахъ этого провозвѣстника великой свободы народовъ «манеръ деревенскій» въ литературѣ звучитъ такимъ-же страшнымъ осужденіемъ, какъ и въ устахъ скромнаго профессора элоквенціи и піитическихъ хитростей Василія Тредьяковскаго.

Говорить о фальшивости и вредѣ этой теоріи послѣ того, что писалъ о ней Бѣлинскій, послѣ того какъ уже цѣлые десятки лѣтъ поэзія, ей порожденная, во всѣхъ учебникахъ называется *ложно* классической, едва ли для кого нибудь будетъ теперь поучительно. Можно изслѣдовать ея исторію; можно заинтересоваться психологическимъ вопросомъ: какъ люди, считавшіе себя цивилизованными, обходились цѣлыя столѣтія безъ истинной поэзіи послѣ того, какъ ихъ сравнительно грубые предки не могли жить безъ нея; можно разбирать вліяніе матеріалистовъ Римлянъ, которые представляютъ собою рѣдкій примѣръ односторонняго развитія ума безъ чувства, которые совмѣщаютъ въ себѣ въ превосходной степени всѣ недостатки нынѣшнихъ англичанъ, не имѣя ихъ достоинствъ. Но все это

завело бы насъ слишкомъ далеко; достаточно сказать, что не только за 17 лѣтъ до рожденія Пушкина, но и въ первые годы его молодости ложно-классическая теорія стояла еще твердо и не только въ школѣ, но и въ массѣ такъ называемой интеллигенціи.

Буало, который не придавалъ никакого значенія фантазіи, чудесное допускалъ только въ формѣ антиноэтической аллегоріи, поэзію называлъ «искусствомъ стихотворства», а всякое искусство основывалъ только на разумѣ и *здравомъ смыслѣ*, все еще признавался «законодателемъ Парнаса», какъ тогда выражались. Баттё съ его теоріей изящнаго *вкуса*, выбирающаго прекрасныя части изъ природы (не всегда изящной), считался великимъ теоретикомъ. Лагарпъ, который ставитъ Расина выше греческихъ трагиковъ за пониманіе *приличій* и проповѣдуетъ, что передъ этими приличіями должно преклониться все прекрасное и истинное, признавался высоко-талантливымъ, образцовымъ критикомъ.

Русской и латинской словесности Пушкина училъ Кошанскій, который въ своей Реторикѣ (она служила руководствомъ въ иныхъ изъ нашихъ гимназій и послѣ смерти Пушкина) говоритъ, что цѣль поэзіи — удовольствіе; средства, которыми она достигаетъ этой цѣли—гармонія стиха и языкъ живописный, *необыкновенный*. Характеристическая черта поэзіи, по Кошанскому, есть вымыселъ, не всякій, конечно, а согласный съ здравымъ умомъ и *вкусомъ*, а вкусъ есть ни что иное, какъ знаніе приличій.

Поэзія, основанная на такихъ принципахъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ можетъ быть только

Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

На этихъ то принципахъ приходилось воспитываться таланту Пушкина, и много нужно было чутья, энергіи и вѣры въ себя, чтобы при такомъ взглядѣ на поэзію съ дѣтства посвятить себя служенію ей.

Одна изъ самыхъ обычныхъ историческихъ иллюзій состоитъ въ томъ, что, видя въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, зарожденіе новаго, которому впослѣдствіи предназначено стать общепризнаннымъ, обычнымъ, мы склонны представлять себѣ, что это новое сдѣлалось господствующимъ съ перваго момента своего появленія на свѣтъ Божій. Въ исторіи полити-

ческой отъ такой иллюзіи насъ до извѣстной степени предохраняютъ несокрушимые факты, цыфры. Въ исторіи духа человѣческаго, въ исторіи литературы статистика до сихъ поръ еще не имѣетъ значенія, и изслѣдователь частію по необходимости—явленія устарѣвшія затериваются, не доходятъ до насъ,—частію по отсутствію подготовительныхъ работъ, всегда склоненъ остановить исключительно свое вниманіе на явленіяхъ выдающихся, передовыхъ. Тѣмъ легче впасть въ такую ошибку человѣку изъ публики, не спеціалисту; ему вполнѣ естественно вообразить напр., что въ эпоху Гете и Шиллера ученіе Готшеда уже давно было сдано въ архивъ, или что съ эпохи Петра наша рукописная литература средняго періода совершенно прекратила свое существованіе.

Также было-бы ошибочно полагать, что *ложный* классицизмъ (царившій въ передовой Франціи съ легкими модуляціями и въ эпоху имперіи и даже въ первые годы реставраціи) сразу уступилъ давленію новыхъ идей, новыхъ задачъ поэзіи, и что Пушкину уже не пришлось считаться съ нимъ, Пушкину, который зналъ на память половину одъ Державина и которому благожелательный Карамзинъ доставилъ *заказъ* — написать стихотвореніе на пріѣздъ принца Оранскаго!

Но быстро и легко освободился геніальный ребенокъ отъ узкихъ путъ Реторики Кошанскаго, такъ легко, что будто и самъ не замѣтилъ своихъ усилій. Ставъ на ноги, онъ почувствовалъ себя настолько выше этого стараго хламу, что даже злобныя критики литературныхъ старовѣровъ не помѣшали ему взглянуть спокойно на пережитую теорію и ея приверженцевъ, не помѣшали усмотрѣть, что было въ нихъ добраго[1]); а на это не были способны и значительно позднѣйшіе сторонники новой поэзіи; вполнѣ объективное, научное отношеніе къ псевдоклассицизму стало для всѣхъ возможно только *въ наши дни*.

Пережитыя испытанія приносятъ пользу генію и помимо укрѣпленія его силъ; изъ борьбы съ ложью онъ выноситъ и крупинки положительной истины. Пушкинъ воспользовался уроками ложныхъ классиковъ такъ, какъ не съумѣли ими воспользоваться болѣе его образованные нѣмецкіе романтики: отъ клас-

[1]) Напр. Расина онъ всегда считалъ великимъ мастеромъ стиха и стиля.

сиковъ Пушкинъ унаслѣдовалъ глубокое уваженіе къ силѣ, чистотѣ и правильности языка; только его критерій былъ гораздо шире и разумнѣе; его творческая дѣятельность и въ этомъ отношеніи была плодотворнѣе.

Пушкинъ въ школьные годы свои переживалъ не одинъ только ложный классицизмъ; онъ переживалъ также, посредственно или непосредственно, и всѣ тѣ разнообразныя литературныя направленія, которыя впродолженіи полустолѣтія подрывали основанія этого глинянаго колосса. Мѣщанская драма Дидро, античный классицизмъ Лессинга, англійскій семейный романъ, слащавыя идилліи Геснера, сантиментализмъ Бернардена и Стерна, оригинально-увлекательное міровоззрѣніе Руссо, Вертеръ Гёте, страшныя баллады Бюргера, увлеченіе Оссіаномъ, культъ красоты въ Люциндѣ Шлегеля и Коринне М-ме Сталь, болѣзненный пессимизмъ Рене и Обермана и т. д. и т. д., всѣ эти разнообразныя проявленія новой поэзіи сходятся въ стремленіи разрушить старыя стѣснительныя рамки, сблизить поэзію съ жизнью, дать первой свободу и широту и осмыслить и сдѣлать прекрасной вторую; всѣ поборники этой поэзіи стоятъ за права природы неподкрашенной искусствомъ и въ тоже время всѣ они возвышаютъ поэзію, какъ искусство.

Эту полувѣковую борьбу Пушкинъ какъ бы вновь пережилъ. «Прозябая въ садахъ Лицея», въ томъ возрастѣ, когда другіе юноши только учатъ свои уроки, да кутятъ по воскресеньямъ въ кондитерскихъ, Пушкинъ перечиталъ цѣлую отборную библіотеку, и не только перечиталъ, но перечувствовалъ и обратилъ въ свое полное умственное и художественное достояніе. Вольтеръ, «*поэтъ въ поэтахъ первый*», по словамъ его[1]) «всѣхъ больше перечиталъ» и сильно вліяетъ на него; но его вліяніе парализуется вліяніемъ *романтика* Жуковскаго, котораго Пушкинъ считаетъ своимъ учителемъ по преимуществу; эллинизмъ Батюшкова и эпикуреизмъ Горація возбуждаютъ его вдохновеніе одновременно съ Оссіаномъ. Печально-настроенный сантиментализмъ бѣдной Лизы и ужасы Бюргеровыхъ балладъ вліяютъ на него одновременно съ чувственнымъ анакреонтикомъ Парни и остроумнымъ Лафонтеномъ, и извѣстный романсъ «Подъ вечеръ осенью ненастный» (единственный, сколько

[1]) См. «Городокъ».

помню, въ исторіи литературы примѣръ огромной популярности стихотворенія 15 лѣтняго поэта), появляется въ одинъ годъ съ посланіемъ «Красавицѣ, которая нюхала табакъ»; прелестное стихотвореніе «Мечтатель», въ которомъ Пушкинъ выражаетъ свое задушевное желаніе жить только для поэзіи и тихихъ радостей, является въ одинъ годъ и даже, можетъ быть, въ одинъ мѣсяцъ съ одой На возвращеніе Государя изъ Парижа, гдѣ юный поэтъ восклицаетъ съ глубокой горечью:

Почтожъ, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утро не почилъ!

Но пришлось бы разбирать всѣ Лицейскія стихотворенія Пушкина, еслибъ я задумалъ опредѣлять литературныя вліянія, имъ за это время пережитыя. Я только укажу два-три примѣра того, какъ впослѣдствіи, въ пору зрѣлости своего генія, Пушкинъ претворялъ въ себѣ эти школьныя вліянія, возводя ихъ односторонность въ перлы художественности.

Я уже сказалъ, что ложный классицизмъ оставилъ въ немъ наклонность къ изученію роднаго языка; но онъ пошелъ въ этомъ отношеніи по лучшей дорогѣ и дальше, нежели академики многочисленныхъ академій Европы, вмѣстѣ взятые; онъ обратился къ исторіи языка и къ языку народному.

Сантиментализмъ Бернардэна, Карамзина и Ричардсона далъ возможность Пушкину, въ жизни поклоннику свѣтскихъ дамъ, создать такіе плѣнительные образы простодушныхъ и любящихъ дикарокъ, какъ Черкешенка въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Марья Ивановна, въ Капитанской Дочкѣ. Нужно ли говорить, на сколько эти образы живѣе Лизы и Виргиніи?

Баллады Бюргера и Жуковскаго, поэмы Вальтера Скотта воодушевили Пушкина къ созданію Вѣщаго Олега, Утопленника, Русалки. Нужно ли доказывать, что фантастика Пушкина здоровѣе и художественнѣе, нежели у его образцевъ?

Поклоненіе среднимъ вѣкамъ и рыцарству у Пушкина явилось какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ Скупомъ Рыцарѣ и Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ.

Критическія положенія Лессинга, хотя бы и узнанныя черезъ третьи руки, обратили его впослѣдствіи къ Шекспиру, дали ему вѣрное понятіе о драмѣ и были косвенною причиною появленія Бориса Годунова.

Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, такъ сильно выраженныя въ Вертерѣ и доведенныя до абсурда Шлегелями, у Пушкина выразились твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ наложенныхъ цѣлей и въ его высоко гуманномъ значеніи.

Обращаюсь къ первому крупному произведенію Пушкина, къ Руслану и Людмиллѣ. Извѣстно, что ни одна изъ болѣе позднихъ и болѣе глубокихъ по мысли его поэмъ не возбудила въ такой степени восторга лучшей части современнаго общества, какъ эта шутливая сказка. Извѣстно, что самъ Пушкинъ считалъ ее плохо построенной и *холодной*[1]), а его знаменитый критикъ Бѣлинскій былъ о ней очень невысокаго мнѣнія, и восторгъ читателей объяснялъ ихъ нетребовательностью, которая впослѣдствіи, благодаря тому же Пушкину, замѣнилась излишнею и несправедливою требовательностью.

Это мнѣніе справедливо только отчасти. Русланъ и Людмилла, конечно, произведеніе не совсѣмъ зрѣлое, менѣе глубокое и совершенное, нежели Евгеній Онѣгинъ и Борисъ Годуновъ, и его историко-литературное значеніе, дѣйствительно, выше художественнаго; но все же нельзя согласиться съ Бѣлинскимъ, что Руслана и Людмиллу можно только *перелистывать*[2]) и что въ немъ нѣтъ «ни призрака романтизма»[3]), который Бѣлинскій во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ и здѣсь, отождествляетъ съ поэзіей духа.

Если кто и въ наше время начнетъ «перелистывать» Руслана «отъ нечего дѣлать», непремѣнно увлечется имъ и дочтетъ его до конца съ такимъ то удовольствіемъ, какъ и другую болѣе зрѣлую поэму Пушкина; только впечатлѣніе будетъ слабѣе.

Въ Русланѣ, дѣйствительно, отразились и Лафонтенъ, и Аріосто, и даже Вольтеръ; но въ немъ еще въ большей мѣрѣ отразилось и все то, что геній Пушкина нашелъ хорошаго въ *раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ*, который популяризировалъ у насъ Жуковскій; а именно: смѣлость образовъ и вольный по-

---

[1]) См. его Записки, по изд. Исакова, IV, 43.

[2]) Бѣлинскій, VIII, 431.

[3]) Ibid. 432.

летъ фантазіи, широту поэтическаго міросозерцанія и полную свободу отъ стѣснительныхъ школьныхъ правилъ.

Я говорю именно о раннемъ нѣмецкомъ романтизмѣ, такъ какъ романтизмъ вообще есть понятіе слишкомъ растяжимое и неопредѣленное, и всѣ споры, которые велись о его сущности и отличіи отъ классицизма какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, какъ во время Пушкина, такъ и послѣ него, ничего не выяснили и прекратились, какъ говорится, «изморомъ». Я только приведу два опредѣленія этого трудноуловимаго понятія, данныя самимъ Пушкинымъ. Въ стихотворномъ посланіи къ Родзянко[1]), написанномъ въ 1826 году, Пушкинъ называетъ романтизмъ «парнасскимъ аѳеизмомъ», а въ извѣстномъ мѣстѣ своихъ Записокъ онъ опредѣляетъ романтизмъ только *формою*, т. е. онъ считаетъ романтическимъ всякое поэтическое произведеніе, отлитое въ такую форму, которая не была въ употребленіи у древнихъ. Г. Анненковъ полагаетъ[2]), что это «не хитрое» опредѣленіе «обнаруживаетъ малую способность Пушкина къ теоретическимъ тонкостямъ», къ тяжелой работѣ мысли, какой требуетъ отвлеченная теорія искусства. По моему мнѣнію, здѣсь Пушкинъ обнаруживаетъ ясность ума, которая всегда предпочтетъ тощее и формальное, но вѣрное опредѣленіе тонкому и глубокомысленному, но спорному или туманному. Названіе «парнасскаго атеизма» вовсе не игра словъ, не острота, а опредѣленіе, тоже очень ясное и не формальное, но за то отрицательное. Дѣйствитетьно, всѣ оттѣнки романтической школы сходились въ непризнаніи катехизиса ни Буало, ни Аристотеля, и лучшіе ихъ представители не соглашались *стѣснять понятія поэтическаго* какими бы то ни было рамками и признавать обязательными мнѣнія какихъ бы то ни было авторитетовъ.

Ранній нѣмецкій романтизмъ опредѣленнѣе, содержательнѣе и болѣе наклоненъ подчиниться теоріи, потому что самые основатели его были люди теоріи.

Человѣчество живетъ тремя великими идеями: *истины, красоты и пользы*; основатели журнала Athenaeum'а (1798 г.) разо-

---

[1]) Изд. Исакова, I, 353.

[2]) Матеріалы, стр. 112 по 1-му изд., 106 по 2-му.

чаровались въ возможности найдти *истину*, презирали *пользу*[1]) и преклонялись только передъ *прекраснымъ*. Для исканія идеала прекраснаго, этого небеснаго «голубого цвѣтка» на землѣ, они предоставили творческому генію человѣка безграничную свободу не только отъ какой бы то ни было піитики, но и отъ сдерживающаго вліянія противнаго имъ по своей самодовольной ограниченности разсудка.

Воспользовавшись свободой, которую романтическая теорія предоставляла его воображенію, Пушкинъ въ Русланѣ пошелъ дальше своихъ учителей и именно въ томъ направленіи, въ которомъ туманный романтизмъ превращался въ истинную поэзію: онъ придалъ жизнь его фантастическимъ фигурамъ, и его волшебники, дѣвы и витязи настолько же реальнѣе подобныхъ фигуръ у раннихъ романтиковъ, насколько герои Гомера реальнѣе героевъ позднихъ рыцарскихъ повѣстей. Здоровое художественное чувство заставило его отрѣшиться отъ унылаго пессимизма романтиковъ, и онъ окончилъ свою поэму такимъ же полнымъ аккордомъ жизнерадостнаго и примирительнаго оптимизма, какимъ кончаетъ свои вымыслы *народная поэзія*.

Струю истинной народности подмѣтили и поклонники Руслана и его ожесточенные враги. Но ее отвергаетъ Бѣлинскій, увѣряющій, что въ Русланѣ народнаго, кромѣ именъ, ничего нѣтъ. Я не могу согласиться съ Бѣлинскимъ, хотя, кромѣ Владиміра, не нахожу въ поэмѣ *ни одного* русскаго имени и хотя теперь дознано, что сказка о Еруслапѣ Лазаревичѣ не русская, а заимствованная.

Изученіе родной старины и народности въ германской Европѣ началось еще со второй половины XVII столѣтія; а къ концу XVIII оно уже дѣлается модпымъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ. Въ эпоху Клопштока и въ такъ называемый Бурный періодъ (Sturm- und Drangperiode) это изученіе, связанное съ восторженнымъ, хотя не особенно разумнымъ (*квасным*—по нашему) патріотизмомъ, служило одною изъ основъ для борьбы съ галломаніей; а въ періодъ вертеризма искренняя вѣра въ нравственную чистоту крестьянина и ремес-

[1]) По Ф. Шлегелю, *прилежаніе* и *польза* это два ангела смерти, убивающіе геній человѣка.

ленника была укоромъ испорченности высшихъ классовъ. Руссо, какъ извѣстно, проводилъ туже мысль.

Поднятію идеи о художественности народной поэзіи, къ которой ложный классицизмъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, способствовали три почти одновременныя явленія; два изъ нихъ хорошо извѣстны всѣмъ образованнымъ людямъ; а сущность третьяго, которое пользовалось огромной популярностью во время дѣдовъ нашихъ, теперь забыта. Я разумѣю: критическіе взгляды Гердера, споръ о происхожденіи Гомеровыхъ поэмъ и Оссіана. Всякій знаетъ Оссіана и его издателя Макферсона по имени, но немногіе имѣли желаніе познакомиться съ ними обстоятельно. И въ самомъ дѣлѣ, что за охота изучать продуктъ фальсификаціи, проще говоря: литературнаго мошенничества? Но для историка новой литературы эта фальсификація имѣетъ огромное значеніе. Нѣтъ другого факта, который нанесъ бы такой сильный и положительный ударъ аристократической поэзіи ложныхъ классиковъ, какъ эта несовсѣмъ ловкая фальсификація. Чтобъ не ходить за доказательствомъ далеко, укажу только на русскаго переводчика Оссіановыхъ поэмъ очень извѣстнаго въ свое время баккалавра Ермила Кострова, о которомъ и Пушкинъ записалъ нѣсколько анекдотовъ[1]). Этотъ типичный одописецъ, взявшись переводить Фингала, былъ пораженъ силой творчества въ немъ, и въ предисловіи къ переводу съ удивленіемъ спрашиваетъ себя и читателей: вѣроятно ли, чтобъ непросвѣщенный человѣкъ[2]) былъ творцемъ столь изящныхъ поэмъ? Онъ объясняетъ эту странность сравнительно высокой культурой горныхъ шотландцевъ, но приходитъ къ заключенію, что и у другихъ народовъ были свои «стихотворческія изустныя преданія». Если у Кельтовъ были свои барды, безъ пѣсенъ которыхъ душа павшаго героя не допускалась въ чертоги облачные, отчегожъ и у насъ не могло быть своихъ «баяновъ»? И можно ли относиться съ пренебреженіемъ къ остаткамъ ихъ поэзіи, дошедшимъ до насъ въ формѣ сказокъ и пѣсенъ?

Но до 1789 г. всѣ идиллическія заигрыванія съ народомъ были, по выраженію, Карамзина, скорѣе «мечтою добраго серд-

---

[1]) См. Записки въ изд. Исакова, IV, 109.

[2]) Оссіанъ по увѣренію Макферсона, жилъ въ III—IV вѣкѣ послѣ Р. Х.

ца», нежели выраженіемъ искренней вѣры въ силу народную, и самые пылкіе ученики Руссо все же продолжали смотрѣть на народъ, какъ на покорное стадо, лишенное прошлаго. Революція и въ особенности паденіе Наполеона радикально измѣнили этотъ взглядъ. Когда коалиція могущественныхъ государей оказалась безсильна, безсловесныя и безправныя массы взяли на себя дѣло правительствъ и однимъ порывомъ негодованія стряхнули съ себя ненавистное иго.

Ни въ какой другой странѣ народъ съ его прошлымъ не былъ такъ презираемъ, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ реформа Петра разверзла бездну между массой и интеллигенціей; а именно русскій то народъ, эта орда татарскихъ рабовъ, какъ его называли въ Европѣ, и оказался впереди другихъ въ этой великой борьбѣ за свободу національностей. Онъ больше всѣхъ принесъ жертвъ, и онъ нанесъ первый роковой ударъ великану Запада.

Теперь трудно и представить, сколько нужно было имѣть въ себѣ рутинной тупости, чтобы и послѣ этого презирать народъ, не желать унизиться до его изученія и издѣваться надъ нимъ; многіе изъ офранцуженныхъ русскихъ были виновны въ этомъ, только не Пушкинъ, который возглашаетъ Наполеону *хвалу* за то, что онъ

— русскому народу
Высокій жребій указалъ.

Руслань и Людмила не народная поэма въ томъ смыслѣ, въ какомъ народны пѣсни Кольцова, Никитина или позднѣйшія сказки Пушкина и Лермонтовская Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ; это вовсе не «гость въ сѣромъ армякѣ, ввалившійся въ благородное россійское собраніе», какъ увѣрялъ «бутырскій» критикъ; но она народнѣе всего, что до нея выходила изъ подъ пера нашей интеллигенціи (за исключеніемъ нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ пѣсенъ). Историко-литературное явленіе надо сравнивать не съ непослѣдующими, а съ предыдущими и современными ему. Можно ли по степени народности поставить рядомъ съ Русланомъ Громобоя Жуковскаго, не говоря уже объ Ильѣ Муромцѣ Карамзина?

Положимъ, очаровательное введеніе, какъ бы собравшее въ маленькій изящный букетъ всю фантастику русскихъ сказокъ,

явилось только въ изданіи 1828 г.; но столъ ласковаго князя Владиміра, поѣздка богатырей въ разныя стороны для отысканія похищенной красавицы, чудесные помощники, живая и мертвая вода, шапка-невидимка, чудесный сонъ героини, заколдованный мечъ, битва Руслана съ цѣлымъ войскомъ, благополучная развязка—все это дѣйствительно «преданья старины глубокой», и именно русской сказочной старины; эти преданія искусно переплетены съ позднѣйшей фантастикой романской поэзіи и изложены съ лафонтеновской живостью и изяществомъ. Языкъ поэмы такой же красивый и такой же пестрый, какъ и содержаніе; онъ также пересыпанъ чисто народными выраженіями, которыя до тѣхъ поръ не имѣли доступа на благородный россійскій геликонъ.

Но, скажутъ намъ: три-четыре десятка подслушанныхъ у народа и удачно примѣненныхъ фразъ и нѣсколько сказочныхъ мотивовъ, заимствованныхъ у Арины Родіоновны—немного для народности. *Немного* для послѣ-Пушкинской эпохи; но, судя по злостнымъ нападеніямъ бутырскихъ критиковъ, для 1820 г. слишкомъ довольно. Вѣдь и Колумбъ не сразу открылъ Америку.

Пушкинъ не остановился на этомъ. На крайнемъ югѣ Россіи, въ періодъ увлеченія наслажденіями жизни и творчества, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона, аристократическое пренебреженіе котораго къ толпѣ слишкомъ извѣстно, Пушкинъ по книгамъ и наблюденіямъ изучалъ чуждыя народности и въ изображеніи кавказскихъ горцевъ, крымскихъ татаръ, цыганъ учился примѣнять колоритъ мѣсти и времени (couleur local, Localfarbe), который составляетъ важнѣйшую заслугу французскихъ и англійскихъ романтиковъ. Истинный поэтъ, онъ творилъ только подъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, и онъ не былъ бы Пушкинымъ, еслибъ, бродя по горамъ Кавказа, могъ обдумывать Бориса Годунова. Но онъ продолжалъ работать надъ роднымъ языкомъ и горько упрекалъ брата за всеобщую тогда страсть примѣшивать къ русской рѣчи французскія фразы; а когда въ 1822 г. онъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ перваго на Руси ученаго сборника народныхъ пѣсенъ [1]), онъ проситъ брата немедленно выслать ему эту книгу.

Только въ Кіевѣ Пушкинъ всецѣло проникается націо-

[1]) Кн. Цертелева: Малороссійскія пѣсни и думы.

нальнымъ чувствомъ и народностью и подъ этимъ впечатлѣніемъ создаетъ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», который одной было бы достаточно, чтобъ признать его художникомъ первой величины.

Но вотъ судьба снова гонитъ его въ глубь Великороссіи, засаживаетъ его подъ тройной надзоръ въ деревню, въ Псковской губерніи. Выдержавъ страшную семейную бурю, которая заставила его *проситься* подъ арестъ, въ крѣпость, Пушкинъ наконецъ остается на цѣлые два года почти одинъ. Онъ выписываетъ, несмотря на свое вѣчное безденежье, массу книгъ, работаетъ вплоть до поздняго обѣда, а потомъ бесѣдуетъ съ своей старой няней, знаменитой Ариной Родіоновной. Осенью 1824 г. пишетъ онъ брату: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ *недостатки проклятаго воспитанія*. Что за прелесть эти сказки! *Каждая есть поэма*».

Конечно, Пушкинъ счастливъ, что у него была такая *няня*, еще съ дѣтства имѣвшая на него сильное и благотворное вліяніе, но и у многихъ русскихъ писателей и до и послѣ Пушкина были такія няни; только они не такъ воспользовались ихъ разсказами. Напомню Гончарова, который сказки няни ставитъ не на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ печальныхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ изъ добраго и умнаго Илюшеньки Обломова негоднаго лежебока и тряпку. Едва ли надо доказывать фальшивость такого взгляда.

Но Пушкинъ не только *слушалъ* сказки; онъ записывалъ ихъ; онъ также записывалъ и пѣсни[1]) и, судя по упоминанію о коллекціи *Разинскихъ* пѣсенъ, сортировалъ ихъ по сюжетамъ.

Въ тоже время, для изученія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ, онъ ходилъ во Псковѣ по базарамъ, толкался въ народѣ, между людьми и для этого, какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ, даже переодѣвался мѣщаниномъ.

Такимъ образомъ, гг., этотъ вѣтренный баричъ, получившій прозвище *француза* отъ офранцуженныхъ дворянъ, учениковъ Лицея, сходился во взглядахъ и въ задачѣ съ скромными нѣмецкими труженниками братьями Гриммами, которые за 12 лѣтъ до тѣхъ поръ выпустили 1-й томъ своего собранія ска-

[1]) П. В. Кирѣевскій упоминаетъ о цѣлой тетради пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ. Анненковъ Мат. стр. 144.

зокъ, до признанія важности которыхъ они дошли путемъ долгаго и упорнаго изученія старины, а Пушкинъ—своимъ геніемъ,

Такимъ образомъ этотъ баричъ, учившійся «чему нибудь и какъ нибудь», на много десятковъ лѣтъ опередилъ своихъ учителей французовъ, которые только послѣ франко-прусской войны согласились выдти изъ своего китайскаго самодовольства цивилизаціей парижскихъ бульваровъ и обратились массою къ изученію старины и народности. Такимъ образомъ этотъ баричъ черезъ полстолѣтія протягиваетъ руку народнымъ учителямъ, записывавшимъ сказки для Аѳанасьева и пѣсни для Шеина.

Но Пушкинъ записывалъ пѣсни и сказки и изучалъ простонародный складъ рѣчи, не для ученаго изданія, а для художественнаго пользованія. На основаніи одного изъ разсказовъ Арины Родіоновны онъ создалъ лучшую балладу, какая только есть на Руси, «Женихъ», балладу вполнѣ народную и въ тоже время художественнную. Съ какимъ вниманіемъ относился онъ къ сказочнымъ сюжетамъ, какъ дорожилъ онъ образами народной фантазіи, видно напримѣръ изъ того, что когда онъ въ Сказкѣ о царѣ Салтанѣ не воспользовался однимъ поэтическимъ украшеніемъ[1]) и замѣнилъ его вымышленнымъ, онъ утилизировалъ его въ поэтическомъ предисловіи къ Руслану.

Когда въ 1831 г. онъ состязается съ Жуковскимъ въ переработкѣ сказокъ, его учитель пользуется матеріалами ученика—сказка о царѣ Берендеѣ написана по записи Пушкина за Ариной Родіоновой,—и какъ ни мало подготовлены были тогдашніе читатели для сужденія о степени народности, поддѣлка Жуковскаго, который въ этомъ случаѣ проявилъ никакъ не меньшее, а скорѣй большее пониманіе дѣла, чѣмъ нѣмецкіе романтики, не понравилась; а Сказка о царѣ Салтанѣ вызвала извѣстное восторженное стихотвореніе Гнѣдича[2]). Въ этой сказкѣ

---

[1]) Котомъ-баюномъ.

[2]) Пушкинъ-Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей.
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній иль Гете, Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра,
Ты—нашъ боянъ.
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

лучшіе люди видѣли зародышъ новаго періода русской литературы.

За царемъ Салтаномъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ сказокъ, и двѣ изъ нихъ: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ и Балда уже разошлись среди народа въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Такъ Пушкинъ расплатился съ многомилліонной родней Арины Родіоновны за ея вечерніе разсказы.

Въ историко-литературномъ отношеніи чрезвычайно интересны геніально-удачныя попытки поддѣлокъ Пушкина подъ народный складъ, въ родѣ напр. недоконченной поэмы о Медвѣдѣ. Анненковъ [1]) недоволенъ такимъ смѣшеніемъ творчества личнаго и общенароднаго, хотя и самъ признаетъ за этими попытками «тайну особаго наслажденія».

Я не могу согласиться съ г. Анненковымъ. «Общенародное творчество» есть полупоэтическая, полуученая фикція, которую давно-бы пора сдать въ архивъ. Развѣ можетъ цѣлый народъ или часть его работать надъ созданіемъ цѣльнаго поэтическаго произведенія, въ родѣ того, какъ 30 сотрудниковъ Дюма работали надъ его романами? Но вѣдь и тамъ все же распоряжался одинъ Дюма. Нѣтъ сомнѣнія, что и всякую народную пѣсню сочинялъ одинъ человѣкъ, одаренный большею степенью творчества; онъ не выдѣлялся изъ массы ни образованіемъ, ни оригинальными идеями; онъ творилъ вполнѣ въ духѣ народномъ, пѣлъ *то* и пѣлъ *такъ*, *что* и *какъ* чувствовали всѣ окружающіе; вслѣдствіе чего его пѣсня становилась общимъ достояніемъ, и каждый слѣдующій пѣвецъ могъ видоизмѣнять ея подробности по своему, могъ сокращать ее или удлинять вставками; но все же первая конценція принадлежала одному поэту.

Поэзія достигаетъ высшей ступени развитія, оставаясь въ то же время вполнѣ народной, когда эти поэты начинаютъ выдѣляться изъ массы силою творческой мысли и фантазіи, знаніемъ жизни, большею широтою взглядовъ и ясностью идеаловъ, но при этомъ остаются вѣрными всѣмъ преданіямъ и всему міровоззрѣнію массы. При такихъ условіяхъ создались Иліада и Одиссея, Пѣснь о Роландѣ, Нибелунги, поэма о Сидѣ.

Съ развитіемъ цивилизаціи и съ неравномѣрностью распредѣленія ея по слоямъ общества, такія условія въ общемъ

[1]) Матер. стр. 145.

становятся невозможными; но если истинный художникъ проникается теплою любовью къ своему народу и его поэзіи, онъ становится народнымъ пѣвцомъ, не переставая быть руководителемъ высшихъ классовъ общества.

Пушкинъ не окончилъ своего Медвѣдя и не придавалъ серьезнаго значенія передѣлкамъ сказокъ по винѣ своего французскаго «проклятаго», какъ онъ выражался, воспитанія; требовать, чтобы человѣкъ, хотя-бы и геніальный, безусловно отрѣшился отъ взглядовъ современниковъ, было-бы нелѣпостью. И то онъ обогналъ ихъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ на цѣлое поколѣніе: онъ составляетъ сборники пословицъ, пѣсенъ, сказокъ больше, чѣмъ за десять лѣтъ до Сахарова и относится къ нимъ съ большимъ пониманіемъ, съ большею ученою добросовѣстностью, нежели этотъ заслуженный собиратель [1]). Изученіе живой народной поэзіи Пушкинъ съ тактомъ опытнаго ученаго ведетъ рядомъ съ изученіемъ родной старины: онъ серьезно работаетъ надъ русской исторіей, пишетъ комментаріи на Слово о Полку Игоревѣ, интересуется Изборникомъ Святослава, собираетъ и объясняетъ термины соколиной охоты и т. д. А между тѣмъ ни теперь, ни послѣ никто не былъ дальше Пушкина отъ *кваснаго* патріотизма и отъ наклонности кичиться передъ Европой [2]).

Плодотворны были послѣдствія этого обращенія Пушкина къ народности: именно въ это время выработались его художественные взгляды, ставшіе теперь общимъ убѣжденіемъ; именно въ это время созналъ и объяснилъ онъ, насколько Шекспиръ выше Байрона; съ этого времени начинается періодъ полной силы его творчества, въ которомъ эту струю животворной народности замѣчаетъ и самъ поэтъ и умнѣйшіе изъ его современниковъ [3]); въ это время создается Борисъ Годуновъ, въ ко-

[1]) И впослѣдствіи, когда изъ родной деревни Пушкинъ переселился въ Петербургъ, его симпатія къ народной пѣсни нисколько не ослабѣла: сохранилась его тетрадка, гдѣ онъ для одного своего пріятеля-иностранца перевелъ на французскій языкъ часть своего сборника пѣсенъ. (См. Рус. Арх. 1885 г.).

[2]) См. напр. статью о г-жѣ Сталь въ Моск. Тел. 1835 г. (соч. V, 145).

[3]) Въ 1829 г. Пушкинъ пишетъ: «Мы вообразили, что утомленный блѣдными образами классической поэзіи вкусъ публики требуетъ иныхъ сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой *народной* поэзіи».

Въ 1828 г. критикъ Моск. Вѣсти. въ статьѣ о Пушкинѣ новый періодъ творчества поэта называетъ *русско-пушкинскимъ* и находитъ въ немъ *живописную народность*. См. Весинъ: Очерки исторіи русской журналистики. СПб. 1881 стр. 82—83.

торомъ Пушкинъ сознательно хочетъ дать образецъ русской народной драмы, и наконецъ въ это время стихъ Пушкина достигаетъ своей вѣчно *неувядаемой классической красоты и силы.*

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, но я твердо убѣжденъ, что Пушкинъ сталъ вполнѣ европейскимъ писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался русскимъ народнымъ поэтомъ. Любовь, какъ и страхъ, можетъ возбудить и существо, безсознательно дѣйствующее; но уваженіе себѣ подобныхъ можетъ пріобрѣсти только человѣкъ, который самъ себя уважаетъ. Русскіе интеллигентные люди, презиравшіе свою національность, могли дѣлаться французами, англичанами; но европейцами они не могли быть, хотя и переставали быть русскими. Наши поэты, копировавшіе французовъ, не были европейскими, потому что не могли сказать Европѣ ничего новаго. Европеецъ тотъ, кто чувствуетъ и сознаетъ свою роль, какъ представителя извѣстной національности въ общемъ дѣлѣ европейской, т. е. общечеловѣческой цивилизаціи. Европейскимъ или міровымъ мы называемъ того поэта, черезъ посредство котораго геній его народа освѣщаетъ и просвѣщаетъ все человѣчество. «Счастливъ тотъ народъ», говоритъ проф. Буслаевъ, «который въ національныхъ основахъ своей литературы, *вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ*, можетъ воспитывать въ себѣ высшія общечеловѣческія стремленія, народъ, который, *раскрывая свою національность*, двигаетъ впередъ исторію человѣчества».[1]) Не одни передовыя націи имѣютъ право говорить *свое слово*, какъ и въ каждой отдѣльной литературѣ или наукѣ не одни великіе таланты приносятъ пользу; кто хорошо дѣлаетъ свое маленькое дѣло, дѣлаетъ въ то-же время и дѣло общее. Теперь, когда имена Тургенева, Достоевскаго, Льва Толстаго гремятъ по всей Европѣ и ихъ произведенія читаются во всѣхъ углахъ ея, мы можемъ откинуть излишнюю скромность и сказать съ увѣренностью, что и русская литература двигаетъ впередъ мысль человѣчества; а первымъ вліятельнымъ проводникомъ русской народности въ Европѣ былъ Пушкинъ.

Онъ могъ исполнить это высокое назначеніе и дѣйствительно, исполнилъ его не только потому, что онъ любилъ свою родину[2])—были и до него и при немъ люди, проникнутые не

[1]) Русскій богатырскій эпосъ.

[2]) Злобныя выходки противъ Россіи въ его письмахъ относятся не самой Россіи, но къ существовавшимъ тогда въ ней порядкамъ; отчасти-же

менѣе искреннимъ чувствомъ и даже засвидѣтельствовавшіе свой патріотизмъ мученичествомъ—, но и потому, что онъ съ громаднымъ поэтическимъ талантомъ соединялъ почти не бывалое у насъ по широтѣ своей литературное образованіе, безъ котораго для младшихъ сыновей цивилизаціи нѣтъ доступа въ Европу; только знаніе ея прошлаго открываетъ намъ дорогу къ ея настоящему.

Хоть и много разъ было говорено о начитанности Пушкина, все-же, просмотрѣвъ его письма, писанныя вовсе не на показъ учености, и критическія статьи, нельзя не выразить своего удивленія по поводу широты и глубины литературнаго образованія и развитости вкуса этого будто-бы лѣниваго петербургскаго дэнди. Онъ принесъ съ собою въ Лицей знаніе французской литературы XVII и XVIII столѣтій. Въ Лицеѣ онъ со страстію занимался исторіей. Во время изгнанія онъ выучивается свободно читать по англійски и по итальянски. Онъ переводитъ Аріосто, воспроизводитъ Данта. Уже въ Одессѣ онъ изучаетъ Гете [1]) и Шекспира. Онъ едва ли не первый изъ русскихъ поэтовъ обращаетъ вниманіе на поэзію востока, изучаетъ Коранъ. Въ деревнѣ онъ собираетъ огромную библіотеку. «Книгъ! ради Бога, книгъ!» вопіетъ онъ почти въ каждомъ письмѣ; онъ не только знаетъ Вальтера Скотта, какъ свои пять пальцевъ, но и угадываетъ его вліяніе на французскую исторіографію. Онъ хорошо знаетъ и вѣрно понимаетъ Мильтона не только какъ творца «Рая», но и какъ автора «Defensionis populi». Онъ, такъ невыносившій скуки, читаетъ многотомную Клариссу Ричардсона, бранится, но читаетъ. Онъ читалъ Монтеня, Рабле, Гудибраса; онъ знаетъ Buovo d'Antona, о которомъ даже многіе русскіе спеціалисты узнали въ первый разъ изъ книги А. Н. Пыпина; онъ знаетъ многое изъ старой французской литературы, о чемъ даже образованные французы услыхали въ первый разъ въ 60-хъ годахъ: онъ знаетъ бретонскія lais, фабльо. Только истинное знаніе даетъ чувство силы, увѣренность въ себѣ, и какъ твердъ въ своихъ критическихъ взглядахъ Пушкинъ Литературной Газеты

они объясняются его юношеской страстью къ парадоксамъ и гиперболамъ. Очень характерна въ этомъ отношеніи его извѣстная фраза: «Я, *конечно*, презираю мое отечество съ ногъ до головы, но мнѣ досадно, когда иностранцы раздѣляютъ со мною это чувство».

[1]) Впрочемъ, вѣроятно, во французскомъ переводѣ: по нѣмецки читалъ онъ неохотно.

и Современника по отношенію къ всемогущей тогда французской литературѣ! Онъ защищаетъ ее, какъ «власть имѣющій» отъ нападеній академическихъ старовѣровъ, но возмущается развивающимся на его глазахъ *индустріализмомъ* ея, стремленіемъ наживать деньги, пользуясь слабостью публики къ эффектамъ, ужасамъ и сальностямъ[1]). Онъ зло издѣвается надъ тѣмъ искаженіемъ, которому подвергся великій Мильтонъ въ рукахъ Альфреда де Виньи и Виктора Гюго; не опасаясь ни враговъ, ни обожателей Гюго, онъ называетъ его поэтомъ, но поэтомъ второстепеннымъ, конечно, не по вліянію, котораго онъ не могъ провидѣть, а по силѣ творчества. Сравните съ этими рѣзкими и твердыми сужденіями колебанія русскихъ журналовъ 40-хъ годовъ, когда въ отдѣлѣ критики издѣваются надъ Дюма, а въ отдѣлѣ изящной словесности преподносятъ его совсѣмъ бездарныхъ подражателей. А вѣдь это было лучшее время нашей журналистики, время Бѣлинскаго!

Пережившъ крайности романтизма, переживъ безотрадный пессимизмъ Байрона и недолговѣчное возрожденіе классицизма въ такъ называемой школѣ «здраваго смысла» (bon sens), воспользовавшись благими, хотя и односторонними уроками реализма, питаемая живымъ духомъ изученія народности и старины, міровая поэзія въ лучшихъ своихъ представителяхъ отъ Андерсена до Диккенса и отъ Жоржъ-Санда до Рунеберга, обратилась къ великимъ соціальнымъ задачамъ, къ разъясненію общественныхъ недуговъ, къ защитѣ «униженныхъ и оскорбленныхъ» всякаго рода, къ пробужденію милосердія къ падшимъ. Это благотворное направленіе, остающееся господствующимъ и до нашего времени, не смотря на всѣ толчки, которые испытывало и еще испытываетъ оно то отъ крайняго реализма, то отъ антихудожественной тенденціозности, вполнѣ естественно вызывающихъ реакцію, начинается именно съ 30-хъ годовъ, къ концу которыхъ его уже удачно эксплуатируютъ ловкіе авторы фельетонныхъ романовъ.

Существуетъ небезъосновательное, но, по моему убѣжденію, въ сущности ложное мнѣніе, что Пушкинъ, такъ сказать, не доросъ до этого направленія, до этой степени развитія поэзіи, остановившись на такъ называемой чистой художественности.

---

[1]) См. напр. V, 162 и др.

Еще у многихъ свѣжа въ памяти та буря, которая именно по этому поводу поднялась въ 60-хъ годахъ противъ нашего великаго поэта. Но было-бы несправедливо взваливать всю отвѣтственность за нее на критиковъ и публицистовъ этого времени, тѣмъ болѣе на одного, даровитѣйшаго изъ нихъ. Хотя Писаревъ въ одной и той-же знаменитой статьѣ своей возсталъ и на Пушкина и на его критика Бѣлинскаго, это статья есть ни что иное какъ развитіе одного изъ положеній вдохновеннаго изслѣдованія Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Вотъ это положеніе[1]): «Пушкинъ, по своему воззрѣнію, принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное любви и вражды мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго».

Я назвалъ это мнѣніе небезосновательнымъ потому, что оно основывается на значительной части произведеній Пушкина, на многихъ задушевныхъ письмахъ его, наконецъ на знаменитомъ его поэтическомъ исповѣданіи вѣры «Чернь». Я называю его въ сущности ложнымъ, и мой главный аргументъ — неопровержимый фактъ: это Московскій праздникъ 1880-го года и нынѣшнее чествованіе памяти Пушкина. Итоги этихъ дней, конечно, еще не могутъ быть подведены, но праздникъ 80-го г. у всѣхъ на памяти; высшимъ его моментомъ была рѣчь теперь уже покойнаго Ѳедора Достоевскаго о Татьянѣ Пушкина и соціальномъ значеніи этого идеала; въ этой рѣчи самый даровитый и самый пылкій представитель «страстнаго, полнаго вражды и любви мышленія» (больше *любви*, чѣмъ *вражды*, по особенностямъ мягкаго славянскаго характера) провозглашаетъ своимъ учителемъ Пушкина, указываетъ «животрепещущій интересъ» въ его произведеніяхъ, находитъ въ нихъ отвѣтъ на тревожные и болѣзненные вопросы настоящаго. Еслибы Пушкинъ былъ представителемъ устарѣвшей по-

[1]) VIII, стр, 402.

этической школы, открытіе его памятника было бы тихимъ академическимъ торжествомъ, а не русскимъ народнымъ праздникомъ. Или можетъ быть представители прессы, депутаціи изъ городовъ и отъ всѣхъ университетовъ, вѣнки отъ адвокатовъ, думъ, земствъ, Достоевскій, Тургеневъ *явились* тогда въ Москву только изъ *желанія* пошумѣть на законномъ основаніи, какъ они явились бы и на открытіе памятника Ломоносову или Карамзину, и рѣчь Достоевскаго была только блестящей софистикой?

Едвали кто съ этимъ согласится. Масса лирическихъ пьесъ Пушкина, шутливые строфы Онѣгина написаны имъ, дѣйствительно, въ то время, когда не онъ одинъ, а весь міръ еще недоросъ до новой поэзіи. Фразы въ его письмахъ и статьяхъ на тему, что цѣль поэзіи есть сама поэзія, что она есть *высокое служеніе*, ровно ничего не доказываютъ; это прекрасно выраженныя общія мѣста, которыя можно защищать съ точки зрѣнія любой школы, любаго направленія. Знаменитое стихотвореніе «Чернь» написано въ 1828 г. и выражаетъ не то міровоззрѣніе, которое выработалъ Пушкинъ на всю свою остальную жизнь, а то, съ которымъ онъ покончивалъ въ это время, подобно тому, какъ Вертеръ Гете выражаетъ окончаніе вертеризма въ жизни и произведеніяхъ Гете. Зародышъ поэта гражданина слышенъ въ Пушкинѣ съ первыхъ его шаговъ; онъ уже въ ранней юности мечтаетъ быть «эхомъ русскаго народа». 20 лѣтъ отъ роду онъ пророчески восклицаетъ:

Увижуль-я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію Царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Около 1830 г., по мнѣнію лучшаго знатока Пушкина — Анненкова совершается переломъ въ его поэтической дѣятельности именно въ этомъ направленіи [1]); если не согласиться съ Анненковымъ, какъ объяснить, что всегда искренній поэтъ, недавно сравнивавшій исправленіе сердецъ своихъ согражданъ съ мятеніемъ грязныхъ улицъ, высшей заслугой своей считаетъ, что онъ «милость къ *падшимъ* пробуждалъ?». Гражданское значеніе послѣднихъ главъ Онѣгина доказано Достоевскимъ. Въ Галубѣ

[1]) Русалкой онъ прощается съ *свободнымъ* творчествомъ.

ясна глубокая идея о борьбѣ личности съ предразсудками общества; въ Мѣдномъ Всадникѣ благо милліоновъ сталкивается съ благосостояніемъ отдѣльныхъ единицъ; въ Капитанской Дочкѣ поэтъ, оставаясь истиннымъ художникомъ, сознательно заступается за униженныхъ и оскорбленныхъ и «извергу естества» Пугачеву придаетъ доброе сердце и глубоко-поэтическую душу, а героиней, возстановительницей правды, дѣлаетъ необразованную дѣвушку, которая двухъ словъ связать не умѣетъ. Въ Дубровскомъ его герой—отверженникъ общества, придорожный разбойникъ, жертва кляузы и дикаго произвола. Но это все факты слишкомъ извѣстные, о которыхъ даже, и неловко говорить съ этой каѳедры..... Именно къ этому времени у Пушкина выясняется идеалъ независимаго писателя[1]), какъ руководителя общества, литературы, какъ потребности народной[2]). Тогда то онъ расширяетъ свое творчество прозой и свою дѣятельность—критикой, и какъ онъ заботился объ этомъ отдѣлѣ въ своемъ журналѣ! и какой громадный критическій талантъ проявляетъ онъ самъ въ своихъ немногихъ статьяхъ! Съ неудержимой злобой преслѣдуетъ онъ русскаго индустріалиста Ѳадея Булгарина; Богдановича и Димитріева онъ не любитъ именно за легкость и безцѣльность ихъ творчества; Державина считаетъ въ немногихъ его одахъ истиннымъ поэтомъ именно за силу и *правдивость*. Въ молодости Пушкинъ хотѣлъ слыть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, стыдился своего писательства и даже, прикидываясь циникомъ, объяснялъ его нуждою въ деньгахъ; въ этотъ короткій періодъ зрѣлости онъ освободился отъ этого ложнаго стыда и *являлся въ свѣтѣ, какъ писатель. Онъ вполнѣ ясно сознавалъ*, какую огромную политическую силу представляетъ талантливый и честный писатель въ обществѣ, пробуждающемся къ самосознанію.

Въ 1828 г. вышелъ первый подписанный полнымъ именемъ и имѣвшійбольшой успѣхъ романъ до сихъ поръ популярнаго и вліятельнаго даже и въ русской публикѣ Эдуарда Бульвера, впослѣдствіи лорда Литтона[3]) (род. 1805, ум. 1873 г.) Пельгамъ или приклю-

---

[1]) См. напримѣръ заключеніе статьи о Вольтерѣ V, 268.

[2]) Ibid 428.

[3]) Анненковъ, (Вѣстн. Европ. 1881 г. № 7), ошибочно относитъ его къ 1835 г.

ченія джентельмена (Pelham or the adventures of a gentelman). Въ немъ Бульверъ съ бо̀льшимъ жаромъ, нежели искусствомъ и знаніемъ жизни (автору было всего 23 года) стремится осуществить идеалъ современнаго, соціальнаго романа, показать всѣ пружины, которыми движется общество, то спускаясь до самыхъ подонокъ общества, то поднимаясь до верхнихъ слоевъ его сливокъ. Пушкинъ прочелъ этотъ романъ, плѣнился его идеей, сталъ обдумывать русскій соціальный романъ, конечно, совершенно самостоятельный; общею была только задача: провести *героя*, русскаго дворянина, по всѣмъ слоямъ русской *жизни*. Отысканы два сходные плана, набросанные Пушкинымъ; въ первомъ онъ называетъ *героя русскій Пеламъ*, во 2-мъ *Пелымовъ*[1]). Въ обоихъ планахъ герой очищается страданіемъ и тѣмъ, что считается паденіемъ въ глазахъ общества (онъ сидитъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи); злодѣя романа Пушкинъ характеризуетъ словами—*trés* comme il faut.

Всѣмъ извѣстна превосходно набросанная, но далеко не отдѣланная историческая драма Пушкина: *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*. Изъ бумагъ его оказывается, что планъ ея, также не одинъ разъ передѣланный, былъ очень широкъ и глубокъ, что братъ Бертольдъ, занимающійся алхиміей, введенъ сюда вовсе не для пополненія средневѣковой обстановки; но его знаменитое открытіе должно было обусловить развязку; что Пушкинъ задумалъ изобразить не средніе вѣка, когда народъ былъ въ угнетеніи, а гибель ихъ подъ ударами пробужденнаго народа и знанія[2]).

Наконецъ еще одинъ фактъ, на который, сколько знаю, до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія: это начало Пушкинской повѣсти Марія Шонингъ[3]) и историческая основа ея изъ уголовнаго дѣла, записанная Пушкинымъ по французски. Въ 1778 г. въ Нюренбергѣ были казнены 2 женщины: одна за дѣтоубійство, другая какъ укрывательница и пособница дѣтоубійцы; обѣ онѣ были невинны, и ребенокъ изъ за котораго онѣ погибли, никогда не существовалъ. Марія Шонингъ взвела

---

[1]) Анненковъ l. c. Ср. Приложенія Г. Геннади стр. 121 и слѣд.

[2]) Анненковъ l. c.

[3]) IV, 83 и слѣд. (по изд. Исакова).

на себя и на свою подругу не бывалое преступленіе, измученная нуждою и угрожаемая незаслуженными, позорнымъ наказаніемъ. Ея подруга, бѣдная вдова, измученная и за себя и за дѣтей и испуганная пыткою, признала себя виновной. Только передъ плахой онѣ покаялись во лжи; но казнь не была остановлена.

Отъ повѣсти сохранились только два начальныхъ письма, когда и кроткая героиня и ея подруга еще не успѣли столкнуться съ нуждою и притѣснительными законами, и еще пользуются полнымъ душевнымъ миромъ; гроза только издали надвигается; и подруги еще интересуются косынками; но уже началась война между несчастной сиротой и безсердечнымъ обществомъ[1]).

Могъ ли избирать такія темы поэтъ, который «не носилъ въ себѣ идеала лучшей дѣйствительности?». Можно ли сказать про Пушкина, что кротость, «елейность», какъ выражается Бѣлинскій, его направленія помѣшали-бы ему сдѣлаться великимъ мастеромъ новой школы европейской поэзіи, если бы смерть не прервала его дѣятельности на 38-мъ году.

Великая семья европейскихъ народовъ благосклонно принимаетъ всякаго новаго члена, который скромно и почтительно проситъ о своемъ допущеніи. Но намъ до послѣдняго времени не везло въ Европѣ, вѣроятно, потому, что мы не просили въ ней мѣста, а захватили его силою, и не успѣли наши новые родичи оглянуться, какъ мы потребовали себѣ чуть не первенства.

Что въ политической жизни совершилось въ прошломъ столѣтіи, то въ жизни духовной совершается въ нынѣшнемъ. *Пушкинъ — нашъ первый европейскій поэтъ, какъ Петръ Великій — нашъ первый европейскій Государь.* Какъ Петръ, точно расплачиваясь за досуги и забавы своихъ «тишайшихъ» предковъ, «на тронѣ вѣчный былъ работникъ», и въ себѣ одномъ соединялъ всѣ министерства и всѣ спеціальности, нужныя для управленія ими; такъ и Пушкинъ расплачивался съ Россіей лихорадочнымъ трудомъ и былъ въ одно время и лирикомъ, и эпикомъ, и драматургомъ, и критикомъ, и историкомъ. Какъ

[1]) «Я стала на колѣни, чтобы издали проститься съ отцомъ. Г-жа Ротбергъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня» пишетъ Шонингъ.

иностранцы начинали обозрѣніе русской исторіи и цивилизаціи съ Петра Великаго, такъ позднѣе исторію русской литературы и русской мысли они начинали съ Пушкина.

Европа признала Пушкина, какъ 100 лѣтъ назадъ она признала Петра Великаго. Переводить Пушкина на нѣмецкій и французскій языки начинаютъ еще въ двадцатыхъ годахъ[1]) и тогда же появляются разборы его большихъ поэмъ. Въ 1834 году Кавказскій Плѣнникъ уже переведенъ на итальянскій языкъ, въ 1835 г. отдѣльныя стихотворенія переведены на англійскій. Въ 1840 г. по нѣмецки уже выходятъ избранныя его сочиненія въ 2-хъ томахъ; въ 1848 г. появляются независимо другъ отъ друга два нѣмецкихъ перевода Капитанской Дочки; съ 1854 г. начинаетъ выходить нѣмецкій переводъ всѣхъ сочиненій Пушкина извѣстнаго Боденштедта. Нѣсколько позднѣе Капитанская Дочка попадаетъ во всѣ коллекціи лучшихъ иностранныхъ повѣстей, не только въ Германіи и Франціи, но и въ Италіи и даже Испаніи. Превосходный прозаическій переводъ Бориса Годунова я встрѣтилъ въ Италіи въ Biblioteca Universale, предназначенной къ самому широкому распространенію[2]). Съ 1880 г. круглымъ счетомъ выходитъ въ Германіи и Франціи по одному стихотворному переводу Евгенія Онѣгина. Многія пьесы Пушкина переведены на голландскій, шведскій и другіе малораспространенные языки. Молодыя славянскія литературы, какъ сербская и болгарская, въ значительной степени воспитаны на Пушкинѣ, который такимъ образомъ доплачиваетъ имъ старинный долгъ—временъ Владиміра Святого.

Короче сказать, въ недавно вышедшей Puschkiniana г. Межова переводы Пушкина и статьи о немъ на иностранныхъ языкахъ занимаютъ почти *четыреста* нумеровъ; вѣдь это цѣлая библіотека[3]). Нельзя сказать, чтобы Пушкина не читали въ Европѣ!

---

[1]) Puschkiniana г. Межова s. l.

[2]) Томикъ ея, изящно изданный, стоитъ на наши деньги 10 коп., слѣдовательно можетъ окупиться только при условіи расхода десятка тысячъ экземпляровъ.

[3]) Положимъ, многіе переводы и статьи, помѣченные г. Межовымъ между 3175 и 3566 нумерами, выходили изъ рукъ Петербургскихъ или Одесскихъ полуиностранцевъ русской службы; положимъ, въ этомъ числѣ считаются переводы на молдавскій, латышскій, грузинскій и др. языки, на ко-

Легко понять, какое благотворное вліяніе имѣло это признаніе на насъ русскихъ, какъ поднимало оно насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ. Еще при жизни Пушкина не враждебная ему критика ставитъ его рядомъ съ Шекспиромъ, Гете, Шиллеромъ, Байрономъ и при его фамиліи уже стыдится ставить букву Г. (см. напр. руководящую статью Сенковскаго въ 1 нумерѣ Библіотеки для чтенія за 1834 г. Критика стр. 37). Чтобы убѣдиться въ этомъ вліяніи, достаточно прочесть предисловіе русскаго переводчика къ талантливой и глубоко прочувствованной статьѣ о Пушкинѣ извѣстнаго нѣмецкаго критика Варнгагена фонъ Энзе. Предисловіе это и переводъ напечатаны въ Отеч. Записк. 1839 г., журналѣ который въ это время никакъ нельзя было заподозрить въ *квасномъ* патріотизмѣ. «Мы твердо

торыхъ говорятъ русскіе подданные; но за то книга г. Межова, вообще не претендующая на безусловную полноту, въ этомъ отдѣлѣ имѣетъ особенно большіе пробѣлы. Достаточно сказать, что въ ней не помѣчено ни одного перевода Пушкина на греческій и ни одной статьи на этомъ языкѣ.

У меня подъ руками находится 5-й томъ изданія Константинопольскаго Силлога (Ο εν Κωνσταντινουπόλει Ελληνικος Φιλολογικος Συλλογος. Συγγραμμα περιοδικον. Τομος Ε', 1870—71), гдѣ помѣщена большая (стр. отъ 60—87) рѣчь извѣстнаго Стефана Каратеодори «о русской литературѣ» (Περι Ρωσσικης Φιλολογιας), около половины которой посвящено Пушкину, и мнѣнія талантливаго и высокообразованнаго грека, какъ о дѣятельности Пушкина въ цѣломъ, такъ и объ отдѣльныхъ его произведеніяхъ, основанныя на внимательномъ чтеніи переводовъ изъ Пушкина если не всегда вѣрны, то всегда интересны; онъ разсматриваетъ Пушкина главнымъ образомъ, какъ національно-русскаго соціальнаго поэта.

Извѣстно, что иностранцевъ занимала и жизнь, или вѣрнѣе смерть Пушкина, и что итальянскій поэтъ Пьетро Косса, знакомый русской публикѣ главнымъ образомъ, какъ авторъ Мессалины, въ 1869 году сдѣлалъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ жизни Пушкина трагедію. Здѣсь въ Одессѣ у одного букиниста я нашелъ томикъ повѣстей (Διηγηματα) какого то Деліяниса (Δελιγιανις), изд. въ 1847 году. Тамъ среди нѣсколькихъ заимствованій изъ французской беллетристики и собственныхъ болѣе или менѣе неудачныхъ подражаній ей, оказался разсказъ о дуэли и смерти Пушкина, котораго Деліянисъ считаетъ великимъ историкомъ. Въ немъ убійца Пушкина Антисъ (Д'Антесъ) оказывается жертвою истинно восточной страсти, которую онъ тщетно старался потушить бракомъ съ свояченицей поэта; а поэтъ — ревнивцемъ тоже восточнаго пошиба. Приведены 2 небывалыя письма Антиса къ женѣ Пушкина и «подлинныя» рѣчи поэта, составленныя по всѣмъ правиламъ греческой реторики. Все это, конечно, не особенно назидательно, но любопытно, какъ свидѣтельство о широкой извѣстности Пушкина въ Европѣ.

убѣждены, и ясно сознаемъ, говоритъ переводчикъ, что Пушкинъ—поэтъ не одной какой нибудь эпохи, а цѣлаго человѣчества, не одной какой нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоялся низойти въ самые сокровенные тайники русской души..... Глубока русская душа! Нужна гигантская мощь, чтобы *изслѣдить* ее: Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крывшееся въ ней. *Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ*»[1]).

Конечно, и послѣ Пушкина насъ не перестали огульно и, что называется, *зря* ругать въ Западной Европѣ, и мы большею частію отмалчивались; но если сильно задѣвали Пушкина — а его задѣвали именно какъ европейски знаменитаго русскаго поэта, какъ виновника извѣстности нашей литературы въ Европѣ—, мы обижались и покидали на время свое смиреніе. Такъ наприм. книга маркиза де Кюстина[2]) вызвала нѣсколько рѣзкихъ опроверженій.

Такимъ образомъ Пушкинъ—европейскій поэтъ не только потому, что онъ воспиталъ свой высокій талантъ на европейской поэзіи и, оставаясь поэтомъ національнымъ по преимуществу, въ совершенствѣ усвоилъ ея идеи и формы, не только потому, что онъ шелъ не въ хвостѣ, а въ передовомъ полку европейской мысли и прогресса; но и потому, что съ нимъ и благодаря ему русская литература вошла, какъ равноправный членъ въ великую семью литературъ европейскихъ. Тѣмъ глубокимъ интересомъ, который внушаютъ въ послѣдніе годы лучшимъ людямъ западной Европы произведенія Тургенева, Досто-

---

[1]) Эти юношески восторженныя слова написаны М. Н. Катковымъ...., но написаны имъ въ 1839 года (Отеч. Зап. т. III). Статья Варнгагена фонъ Энзе (род. 1785, ум. 1858), явившаяся въ Jahrbücher für wissensch. Kritik, имѣла еще другой переводъ, въ Сынѣ Отеч. 1839 г. № 1 (т. VII). Она такъ хороша, такъ умна и правдива, что заслуживала-бы переизданія. Если явится сборникъ критическихъ отзывовъ иностранныхъ писателей о Пушкинѣ, она, разумѣется, будетъ занимать въ немъ лучшее мѣсто.

[2]) La Russie en 1839. par Marquis de Custine 1843; см. о ней въ статьѣ В. Шульца: Пушкинъ въ переводахъ французскихъ писателей. Древн. и Нов. Россія 1880 г. passim.

евскаго, Льва Толстаго, тѣмъ вліяніемъ, которое оказываютъ и окажутъ они на ходъ европейской мысли, Россія и Европа прежде всего обязаны Пушкину. Онъ первый далъ намъ право смѣло смотрѣть въ глаза Европѣ, полагаясь не на одну только силу штыковъ нашихъ.

Пушкинъ—европейскій поэтъ и потому, что мы подъ вліяніемъ его поэзіи стали европейцами, не переставая быть русскими, что мы сознали силу родной мысли, въ первый разъ преклонились передъ нею.

И это выразилось прежде всего въ сознаніи потери, которую понесли мы въ Пушкинѣ.

Дикарь воздаетъ поклоненіе умершему властителю или богатырю и приноситъ жертвы на его могилѣ; но только цивилизованный человѣкъ чтитъ героя мысли и властителя слова.

Ровно 50 лѣтъ назадъ, 1-го февраля 1837 г. огромная толпа народу стояла въ Петербургѣ передъ Конюшенной церковью; церковь же, въ которую пускали по билетамъ, была наполнена знатью и иностранными посланниками; въ ней отпѣвали не полководца, не государственнаго человѣка, а только писателя — Пушкина. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по обширной землѣ русской, она отозвалась глубокой печалью въ каждомъ городѣ, въ сердцахъ всѣхъ лучшихъ людей русскихъ. Эта смерть «пала тугою по русской землѣ».

И теперь черезъ полстолѣтія преждевременность этой смерти отзывается такою же душевною болью.

Но сознаніе, что трудъ Пушкина не пропалъ даромъ, что русскій народъ не обманулъ его ожиданій, что теперь, черезъ полстолѣтіе слава его не померкла, а горитъ ярче, чѣмъ когда нибудь, что имя его въ эти дни славятъ милліоны, это сознаніе обращаетъ боль въ радость и печальную годовщину смерти его —въ великое торжество народное, соединяющее въ одну семью всѣхъ, кому дорого имя русское, всѣхъ, кто способенъ цѣнить истинное и прекрасное. Если въ этотъ стройный хоръ хваленій и вмѣшается шипѣніе тупаго и самомнительнаго невѣжества или худо скрытой злобы къ просвѣщенію, оно не измѣнитъ его гармоніи, а только себя пристыдитъ.

Чествованіе памяти великихъ дѣятелей прошлаго, справедливая и *благодарная* оцѣнка заслугъ ихъ—лучшій залогъ свѣтлаго будущаго.

Цѣна 35 коп.